
Александр Кондаков

АКТЫ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ: МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКИЙ ПОСТУПОК

Данная статья решает теоретическую задачу, которая позволяет понимать гражданскую активность в качестве продуктивной творческой деятельности, производящей политических субъектов и новые формы политики вне заданных государственной бюрократией структурных ограничений. Активная политическая мобилизация в предвыборный период 2011–2012 гг. не только не потеряла динамичность, но и приобрела новые формы: граждане устремили свой потенциал в сторону решения разнообразных задач государственной политики. В тексте обсуждается одна из таких инициатив, которая возникла на почве политической мобилизации и была реализована в проектах, направленных на улучшение условий жизни трудящихся мигрантов. Эти инициативы вписываются в аналитическую рамку «гражданского поступка», предложенную британским теоретиком Энгином Айсином и основанную на идеях Михаила Бахтина.

Ключевые слова: гражданские поступки, протестное движение, миграционная политика, активизм, гражданство

Зима 2011–2012 гг. в России оказалась периодом масштабной политической мобилизации, в процессе которой люди заняли улицы и площади разных городов страны (Соколов 2012), чтобы обеспечить себе право на высказывание. Впрочем, формы протеста не всегда ограничивались лишь уличными акциями и демонстрациями, но включали широкое разнообразие способов артикуляции запросов, мнений и политических позиций: акции

Александр Кондаков – научный сотрудник, Центр независимых социологических исследований; ассистент профессора, Европейский университет в Санкт-Петербурге; аспирант, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: kondakov@cisr.ru

неповиновения («народные гуляния», «тихие протесты»), художественный протест (акции *Pussy Riot*), виртуальный акционизм (Интернет-петиции). Более того, когда период массовой политической мобилизации в силу разных обстоятельств (обещания властей, отсутствие политических событий, полицейский контроль) подошел к концу, ощущение свершившихся перемен и продуктивности протеста сохранились. Как указывает один из участников политического митинга во Владивостоке: «Пусть мы не поменяли власть в результате выборов, но зато поменялись мы сами» (Митинг 10...). Рассматривая протестное движение только в политическом контексте или в качестве самоценного феномена, многие склонны точно также высказать одобрение или посетовать на «раскачивание лодки». Я предлагаю поместить протестные события и последовавший за ними период новых форм политики в более широкую аналитическую рамку, совершив попытку осмысления протестных действий в терминах теории гражданства: с декабря 2011 г. мы являемся свидетелями производства нового политического субъекта – российского гражданина.

Анализ произошедшего достаточно очевидно укладывается в логику конфликта оппозиций. Наиболее часто звучащими в этом плане аналитическими основаниями является указание на классовую структуру российского общества, которая определяет как противоборство, так и общность интересов нового «креативного» (среднего) класса и старого рабочего класса («народа») (Яницкий 2012: 61–63). Попытки правящей бюрократии риторически экспроприировать представительство «народа» в этой ситуации демонстрируют конфликтную природу классового анализа, эффектами которой становится постепенное расщепление общих интересов граждан на групповые интересы с последующим риторическим выстраиванием оппозиции между новым и старым классами (Кондаков 2013а). Теория гражданства отказывается от понимания протеста как исключительно классового конфликта и скорее предлагает рамку для поиска оснований разнородных экспрессий, сюжетов, стратегий и репрезентаций гражданства, то есть сводит воедино некоторый набор «гражданских поступков». Эти поступки понимаются как продуктивные, поскольку они производят не классы и классовые интересы, но политический субъект, которому свойственна особая, гражданская этика.

Гражданство часто рассматривается в либеральных подходах, предлагающих еще одну принципиальную оппозицию: индивидуализм и коллективность. Уилл Кимлика, например, утверждает, что «(г) ражданство, с одной стороны, тесно связано с либеральными идеями индивидуальных прав и, с другой, – с коммунитаристскими идеями членства в сообществе и преданности ему. Таким образом, это понятие, которое может быть посредником в споре между либералами и коммунитаристами» (Кимлика 2010: 362). Данная оппозиция представляется иллюзорной, а потому предлагаемый здесь подход отрицает такое посредничество. Принципиальное отличие

индивидуальных прав от коллективных возможно лишь на уровне идеалистических концепций, в то время как любые индивидуальные права ничтожны вне связей обладателя этих прав с другими членами общества. Поэтому предлагаемый пример касается на первый взгляд отвлеченного от темы политических протестов вопроса – миграции. Однако именно этот вопрос позволит продемонстрировать, каким образом продуктивность нового политического субъекта – гражданина – воспроизводится в последующих гражданских поступках и новых примерах солидарности.

Таким образом, ключевым понятием анализа станет «гражданство», хорошо разработанное в российской и зарубежной научной литературе. В самом общем плане оно включает в себя как набор социальных гарантий и прав, которые предоставляют государства, так и чувство принадлежности к культурной общности, связанное в некоторой степени с национальными границами страны, в которой живет человек. Кроме того, гражданство ассоциируется с активным участием в политической жизни в форме голосования или демонстраций. Представляется важным объединить в аналитическую категорию гражданства все эти три измерения: социальные и правовые гарантии государства, культурную принадлежность к общности и активистскую этику: такая теоретическая рамка поможет осмыслить протестное движение в наиболее адекватной событиям форме. Прежде чем предложить ответ на возникшее затруднение в понимании процессов мобилизации, я предлагаю обратиться к контексту, в котором гражданский поступок приобретает наиболее четкие и в то же время амбивалентные очертания – работа граждан и государственной бюрократии в области миграционной политики.

Миграционная политика и ее субъекты

Государственные программы, законы и интерпретирующие их материалы в СМИ¹ производят разные категории «мигрантов» (Кондаков 2013б; Карпенко 2014), а также намечают очертания референтной группы – некоего гомогенного большинства, представляющего воображаемую нацию, ради «безопасности» которой осуществляется правовое регулирование миграционных процессов. Конечно, документы, призванные так или иначе описать нацию, предложить ее основные характеристики, относятся скорее к символическому порядку, не предполагающему никакой практической реализации (Малахов 2008). С другой стороны, имеющиеся законодательные и административные инициативы все же организуют профессиональную деятельность государственной бюрократии, непосредственно осуществляющей

¹ Работа проводится совместно с Оксаной Карпенко (Центр независимых социологических исследований), Дарьей Скибо (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и Анастасией Головневой (Санкт-Петербургский государственный университет).

миграционную и национальную политику (ФМС, полиция, региональные и федеральные правительственные агентства).

Исследование работы государственной бюрократии проводилось в двух плоскостях: деконструкция категориального аппарата официальных документов (законов и программ) и выявление эффектов воспроизводства этих категорий на практике официальными органами власти (через наблюдения за деятельностью чиновников и анализ интервью с ними). Основным законом, относящимся к теме исследования, является Федеральный закон № 115-ФЗ «О статусе иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 г. (Федеральный закон 2002). Кроме того, в этом поле действует ряд правительственных программ, из которых основной является «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Президентом 13.06.2012 г. (Концепция 2012). Так как исследование ограничивается Санкт-Петербургом, еще одним документом является местная Программа «Миграция. Комплексные меры по реализации концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Санкт-Петербурге на 2012–2015 годы», утвержденная Постановлением правительства Санкт-Петербурга № 1229 от 27.11.2012 г. (Миграция 2012).

Рассмотрение официальных документов позволит раскрыть предлагаемый государством дисциплинарный порядок, конструирующий категориальный аппарат для понимания и описания процессов миграции в институциональном дискурсе. Иными словами, анализу подверглось то, какие субъекты производятся официальными дискурсами и институциональными практиками (Foucault 1995: 30) чиновников, работающих в сфере регулирования миграции. Изучение официальных текстов позволяет увидеть, чем «мигранты» отличаются от «не-мигрантов», а также каким образом происходит разделение на категории «мигрантов» и как в зависимости от этих категорий государством распределяются права и обязанности.

115-ФЗ предлагает несколько разных категорий мигрантов: туристов, трудовых мигрантов, квалифицированных и высококвалифицированных иммигрантов (Кондаков 2013б: 83–86). В зависимости от того, в какую категорию попадет человек, пересекший границу с Россией, определяется круг ее/его возможностей при взаимоотношении с органами власти и соответствующее положение на локальном рынке труда. Государственные программы призваны обеспечить аргументированное обоснование решения одного вопроса – регулирования правового положения человека, пересекшего границу. В Концепции осуществляется формулировка рисков, связанных с миграцией (размывание культуры, преступность, распространение заболеваний) (Концепция 2012: п. 4), а в противовес рискам артикулируется экономическая выгода от миграции – необходимость иностранной рабочей силы. Так, много внимания в Концепции уделяется

именно «трудовой миграции», которая включает *плохую* «незаконную миграцию» (Концепция 2012: п. 5.ж), а также *хорошую* «высококвалифицированную» миграцию (текст документа содержит явные оценочные интонации). Нежелательная, рискованная миграция, согласно Концепции, проистекает из привлекательности России для новых поколений мигрантов из стран СНГ, которые, как утверждается, «обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки» по сравнению с их предшественниками (Концепция 2012: п. 9). Эти допущения приводят авторов концепции к заключению о необходимости разработки мер по «адаптации и интеграции мигрантов» (Концепция 2012: п. 23.е), которые будут предоставлять возможности по изучению русского языка, истории и культуры России (Концепция 2012: п. 24.е).

Таким образом, осуществляя дробление мигрантов и предлагая понимать некоторых из них в качестве опасных и чуждых для «местного населения», закон и программа выстраивают картину мира, в которой субъекты априори считаются требующими особого внимания со стороны государства. Попутно официальные документы производят еще одного субъекта – носителя культуры принимающей страны, который рискует утратить ее и стать объектом насилия со стороны некоторых категорий приезжих.

Петербургская программа «Миграция» более эксплицитно артикулирует соответствующие положения, концентрируясь на «проблеме», связанной с трудящимися из Узбекистана и Таджикистана (Миграция 2012: 3). Делая вывод из анализа актуальной ситуации в городе, авторы считают, что «не смотря на общественно-социальные издержки от их присутствия в городе, экономический эффект от использования иностранных трудовых мигрантов остается достаточно значимым и носит позитивный характер» (Миграция 2012: 8, орфография авторов сохранена). Эти «издержки» предлагается компенсировать программой «Социокультурной и языковой адаптации мигрантов», на которую выделяется более 70 млн рублей на три года. В рамках программы предусмотрены курсы русского языка, истории и культуры города для мигрантов и членов их семей, а также досуговые мероприятия и распространение агитационных материалов.

В 2012 г. в Петербурге самоорганизованные группы активистов предложили несколько инициатив, которые также предполагают работу по интеграции и социализации трудящихся мигрантов¹. Была подготов-

¹ Эмпирическое исследование инициатив касалось изучения организации курсов русского языка группой «Дети Петербурга», помощи трудящимся мигрантам «Права для всех», выездной школы русского языка «Аджам», работы «Международного красного креста» и «АДЦ Мемориал». Для сравнения брались государственные (организаторы – программа «Толерантность» и Комитет по труду и занятости) и коммерческие курсы русского языка («Златоуст»).

лена инфраструктура для занятий русским языком и организованы экскурсии по городу для детей и взрослых из разных стран, которые по причине неурегулированного правового статуса лишены возможности получать образование, а также в силу предполагаемой опасности испытывают трудности при взаимодействии с окружающими. Активисты рекрутировали профессиональных преподавателей, нашли площадки и специалистов, в том числе юристов, которые решают проблемы, связанные с правовым положением трудящихся мигрантов в России.

Идея этих инициатив зародилась у участников движения «Наблюдатели Петербурга», контролировавших со стороны общественности ход выборов в Государственную думу в 2011 г. и выборов президента в 2012 г. Судя по интервью с волонтерами, до сих пор люди из разных городов присоединяются к этим инициативам, проявляя гражданскую позицию, возникшую на волне протестов. Активное участие в политической жизни страны не ограничилось протестами против нарушений и наблюдением за ходом выборного процесса. Заняв активную субъектную позицию, наблюдатели и участники антиправительственных митингов стали осуществлять социальную политику в области миграции. Летом 2013 г. деятельность граждан расширилась инициативой по организации помощи мигрантам, попавшим под арест и угрозу депортации без должного судебного разбирательства: поиски адвокатов, поддержка в судах, предоставление пищи и связи с родственниками мобилизовали новые ресурсы для продолжения собственной повестки солидарности (Фергана.news 2013).

Называет несоответствие между производным от официального дискурса пассивным гражданином, находящимся в опасности оказаться среди культурно чуждых мигрантов, и активным гражданином, который сам определяет направление миграционной политики, движимый протестным настроением около-выборных событий. Более того, категории «мигрантов», предлагаемые государством также оспариваются практикой: если на начальном этапе мотивацией для организации курсов были задачи по решению «проблем» мигрантов, то в дальнейшем поддержку получили группы, которые в ней действительно нуждаются, прежде всего, дети иностранцев, лишённые возможности посещать петербургские школы в силу неурегулированного статуса родителей. Так, вектор солидарности и характер помощи меняются в зависимости от ситуации, а не в связи с символическим определением угроз для местной культуры.

Основания и эффекты совместной работы активистов и иностранцев требуют осмысления, позволяющего объяснить характер социальных перемен: актуализацию активистской позиции, возможности переопределения государственной политики и нормативных порядков самими гражданами, порядок ответной дисциплинарной работы государствен-

ного аппарата. Таким образом теория гражданства становится методологией осмысления, того, «как статус оспаривается в процессе изучения практик, через которые артикулируются требования и формируются субъективности» (Isin 2008: 17).

Государство и гражданство: принадлежность, права, политика

Понятие «гражданство» в том виде, в котором оно концептуализировано в современных социальных науках, включает в себя целый ряд разнообразных измерений (Turner 2001: 190), связанных между собой на аналитическом уровне, но выражающихся в непосредственном единстве в гражданском поступке (Isin 2008). Прежде чем предложить наполнение концепции гражданского поступка, коротко изложу иные измерения гражданства, получившие популярность как в западной, так и в отечественной научной литературе.

В современной науке гражданство осмысляется с разных позиций, чаще всего так или иначе центрированных на роли национального государства в процессе производства субъектов политической или культурной общности. Владимир Малахов, отмечая достоинства марксистской перспективы анализа гражданства, указывает на необходимость учитывать проблематику «участия индивида в политической общности, именуемой нацией», то есть переживания гражданами «своей принадлежности нации, а также добровольно взятых на себя обязательств, обусловленных этой принадлежностью» (Малахов 2013: 26). Разъясняя идеи Аренда Лейпхарта, он демонстрирует некоторые примеры такой принадлежности:

Люди группируются, консолидируются (и, напротив, ограничивают себя от других) по признаку веры, языка или происхождения, а не по признаку разного отношения к собственности на средства производства. Они видят себя (и действуют сообразно этому видению) в качестве суннитов и алевитов, шиитов и курдов, а не в качестве бедных и богатых, эксплуатируемых и эксплуататоров, собственников и несобственников (Малахов 2013: 27).

Соответственно, культурная принадлежность к нации в данном случае признается базовым основанием гражданства, а материальные блага и их правовые гарантии – производными от этого статуса. Такая перспектива имеет существенный недочет, связанный с рисками идеализирования национальной культуры и манипулирования на чувствах принадлежности, которые в конечном итоге задействованы в концептуализации нации и гражданства как лояльности идеологическому аппарату государства. Эти эффекты проявляются в анализируемых правительственных программах. С учетом идеологического контроля со стороны бюрократии, гражданская культура сводится к концепту единственно верного понимания истинного гражданина как «русского человека»,

полностью подчиненного государству в силу исторических и культурных особенностей:

Общим основанием новой идеологии (а значит и основой воспитания) сегодня могут выступить идеи патриотизма и гражданственности. Русский человек, россиянин всегда доверял государству больше, чем обществу (часто просто не разделяя их), и идею служения связывал с отношением к Родине (Гаврилюк, Маленков 2007: 44).

При условии этноцентричной концепции нации (то есть представления о гражданской нации как об однородной этнической группе), критикуемой Малаховым (Малахов 2008), гражданство как культурный феномен представляется непродуктивным. Полезно обратиться к понятию «переговоров», которое используется Джудит Батлер для объяснения производства гражданской общности и национальной идентичности (Butler 2012: 35). Данное понятие не предполагает отказ от осмысления гражданства как культурной категории, но и не сводится к нему, а учитывает права граждан, социальные иерархии, а также множественность сил, вступающих в переговоры по поводу конфигурации гражданства. Иными словами, оно не предполагает привилегию государственной бюрократии определять статусы граждан и конкретный набор прав и культурного признания, зависящий от этих статусов, но является разносторонним процессом, характеризующимся «включением в число членов некоей публичной сферы и исключением из нее» (Cooper 1993: 155), при учете вовлеченных в переговоры субъектов.

Безусловно, государственные институты играют важную роль в переговорах по поводу гражданства – через структуры этих институтов осуществляется дисциплинирование граждан и контроль основных измерений гражданства: прав, принадлежности и политического участия (Turner 2001: 189–190). В этом случае, гражданство изучается как набор правовых императивов (законы и правительственные программы) и сообразных им институциональных практик (судебные решения, правоприменение, дифференцированная система распределения благ между гражданами). Изучение данного измерения гражданства позволяет раскрыть дисциплинарные эффекты дискурсов, при помощи которых конструируются разные категории субъектов (Iarskaia-Smirnova, Romanov 2012): хорошие и плохие граждане, достойные и недостойные полноправного гражданства в разнообразных культурных и социальных контекстах, таких как гендер (Здравомылова 2004), инвалидность (Романов, Ярская-Смирнова 2011), этничность (Малахов 2008), сексуальность (Кондаков 2012) и многие другие.

Однако уместно учитывать при этом силы, участвующие в переговорах о гражданстве наравне с государством, а порой и с более властных по отношению к государству позиций. Например, глобальный рынок, предлагающий формы коммодификации гражданских благ и идентичностей, которыми граждане пользуются как заменителями государственных

гарантий, чтобы ощутить включенность в общество в обмен на деньги (Bauman 1993). Рыночные механизмы предлагают неолиберальные решения проблемам несправедливого распределения правительствами национальных государств благ и прав между гражданами, то есть покупку медицинского обслуживания или образования, а также потребление форм культурного производства, позволяющее снять напряжение исключенности. Однако защищенность (культуры, здоровья, благосостояния), обеспеченная финансовым капиталом, во-первых, не предполагает включения в число пользователей благ тех, кто этим капиталом не обладает, а, во-вторых, создает иллюзию полноправного гражданства при продолжающемся воспроизводстве неравенства.

Другой важный игрок на этом поле – глобальные и локальные некоммерческие организации, представляющие международные общественные движения и локальное гражданское общество с универсальной повесткой борьбы за права. Дискурсы таких организаций позволяют гражданам оспаривать суверенные идеологии государств, преодолевая границы стран через апелляцию к универсальным ценностям свободы и прав человека, тем самым формируя денационализированное гражданство (Bosniak 1999). Государства, основанные на признании прав человека, парадоксальным образом способствуют размыванию собственных границ, предоставляя гражданам основания для оспаривания легитимности организованной ими системы распределения прав: ссылаясь на права человека, граждане могут выставлять требования государствам в международных органах правосудия, не зависящих напрямую от воли национальных бюрократий (Малахов 2013: 31). Таким образом, расстояние между государством и гражданством увеличивается (Sassen 2003: 287). С другой стороны, в процессе денационализации гражданства структурируются правозащитная деятельность и требования социальной справедливости по образу и подобию уже готовых стратегий международных общественных движений и наднациональных институций, контролирующих правовое содержание режима прав человека, рискуя предать забвению реальные чаяния и контекстуальные условия угнетаемых (Brown 2002: 421). В данном случае необходимо обратиться к опыту тех, кто формирует запросы и требования самостоятельно, не ожидая, пока организации или государство станет говорить от их имени.

Брайан Тернер предлагает понимать общественные движения в качестве ключевого актора в процессе переговоров по поводу гражданства (Turner 1990: 206–207). Требования, выставляемые этими движениями, становятся политической повесткой партий на выборах, учитываются в той или иной степени правительствами при подготовке социальных программ, а также коммерческим сектором при предоставлении услуг и товаров. Однако если эти требования универсальны и подотчетны глобальным организациям, их ценность может подвергаться сомнению (Dunn 2012), вызывая напряженность между государственными и негосударственными институци-

ями. По утверждению Бориса Капустина, гражданское общество и неправительственные организации все же не одно и то же, первое – это прежде всего «практические движения, как бы они ни были организованы» (Капустин 2013: 45). В этом смысле, сопротивление государству и его неосмотрительной политике является частью процесса переговоров по поводу гражданства не только в том случае, если оно организовано в какой-то конкретной юридической форме, но и в случае иных экспрессий гражданства, индивидуально и коллективно практикуемых гражданами.

Итак, с одной стороны, гражданство представляет собой готовый дисциплинарный режим, под который обязан (по закону и в силу действия социальных норм) подстраиваться каждый гражданин. Однако любой дисциплинарный режим предполагает сопротивление (Foucault 1983: 245), в том числе сомнение в легитимности действий государственной власти или иных институтов доминирования. Сопротивление существующим до субъекта и помимо субъекта конфигурациям гражданства – это продуктивный творческий процесс, производящий, собственно, особый гражданский субъект: гражданина-активиста (Isin 2008: 38–39). Этот тип сопротивления выражается в социальной борьбе за права и культурную принадлежность, которую Энгин Айсин называет «гражданскими поступками»:

Мы определяем гражданские поступки как те действия, которые изменяют политические формы (ориентиры, стратегии, технологии) и способы репрезентации (граждан, чужаков, аутсайдеров, других), формируя новых субъектов – граждан-активистов (требующих прав и берущих на себя обязательства) через производство новых пространств и масштабов борьбы (Isin 2008: 39).

Энгин Айсин предлагает разделять понятия «поступок» и «действие», основываясь на идеях Михаила Бахтина, изложенных в работе «К философии поступка» (Бахтин 1986). Поступок предполагает осмысленное и ответственное поведение, а не ритуал или «техническое действие» (там же), то есть порывает связь с привычным. Таким образом, при исследовании «гражданских поступков», речь идет не о данности, которая заключается в заранее готовых пространствах для реализации гражданства, а о ее разрыве, сбое в системе, продуктивном по своей природе, поскольку он ведет к производству новых субъектов, а вместе с ними и новых конфигураций гражданства (Isin 2008: 25).

Для концептуализации гражданского поступка недостаточно просто зафиксировать событие и условия для его осуществления. Необходимо также учитывать ответственность субъекта, его совершающего, то есть этическую позицию (Isin 2008: 31). Ответственность предполагает осмысленный отказ от следования навязываемым сценариям – сопротивление дисциплинарным механизмам, которое Фуко так и не удалось концептуализировать. Заранее подготовленные формы сопротивления (голосование за оппозицию, ритуализированный протест, апелляция к международным

институциям правосудия, использование стратегий глобальных общественных организаций) представляют собой нормализованные практики, в которых гражданство проявляется в своей активной форме подходящего случаю «образа действий» (Foucault 1994: 237), отсутствие сопротивления – это уже рутинный габитус гражданина, воспроизводимый автоматически (Bourdieu 1990). Оба эти варианта предполагают подотчетность, то есть заранее заданное действие, в то время как гражданский поступок – это творческое, подрывное для готовых структур действие, которое именно в силу этих обстоятельств производит новых субъектов – граждан-активистов – и новые конфигурации гражданства.

Я начал с того, что исследователи гражданства изучают его формальные основания (нормы, производящие полных и частичных, плохих и хороших граждан), а также эффекты и символические порядки, которые составляют его содержание (идентичность, принадлежность, национальную культуру). В этом процессе помимо государств активное участие принимают и другие институты: обретение полноправного гражданского статуса осуществляется через международные и местные суды, рынок, солидарность с глобальными и локальными общественными движениями. Однако в конечном итоге гражданский поступок предполагает разрыв связи между этими порядками и одновременно восстановление этой связи в новом статусе, производном от новых субъектов. Как указывает Э. Айсин, граждане-активисты не всегда учитывают существующее законодательство и вынуждены его нарушать, однако эффект гражданских поступков заключается в том, что хотя «граждане-активисты, которые производятся гражданскими поступками, не являются априори признанными правом, проявляясь через гражданские поступки, они таким образом влияют на право, что в конечном итоге признаются им» (Isin 2008: 39).

Гражданские инициативы предоставляют возможность посмотреть на государственную политику под другим углом. Смысл изучения альтернативных инициатив заключается в том, чтобы определить, насколько содержание и основания работы активистов зависят от предлагаемых бюрократией условий, а также каким образом эти инициативы способны реализовать иной тип государственной политики. Упраздняются ли произведенные в официальных документах субъекты, предоставляя путь новым формам политики и производным от нее законам, дискурсам, практикам (в том числе институциональным)?

В контексте эффектов правительственных программ и реализации тех альтернатив, которые представляет гражданское общество, не организованное больше в единственной юридической форме, мне представляется возможным определить место гражданских поступков. Выкристаллизовавшиеся во время протестов 2011–2012 гг., они продолжают

в новых инициативах, основанных на ответственных, осмысленных и самостоятельных решениях граждан, подрывающих предписываемый государственной политикой образ действий, чтобы артикулировать собственное видение сообщества, гражданской солидарности и страны вне искусственных рамок правового и полицейского насилия. Принимая решения о взаимопомощи вопреки институциональной логике «разделяй и властвуй» и вне заранее обустроенных категориальных границ юридического статуса личности, каждый гражданин совершает гражданский поступок – ставит себя на место государственной бюрократии и производится как субъект нового гражданства.

Выражения признательности

Статья написана в рамках совместного Норвежско-Российского проекта "Network governance: A tool for understanding Russian policy-making", координируемого Норвежским институтом городских и региональных исследований (NIBR) по программе NORRUSS Норвежского исследовательского совета (Проект № 220615).

Список источников

- Бахтин М. К философии поступка // *Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985*. 1986: 80–160.
- Гаврилюк В., Маленков В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // *Социологические исследования*. 2007. 4: 44–50.
- Здравомыслова Е. Гендерное гражданство в советской России – практики абортных // И. Григорьева, Н. Килдал, С. Кюнле, В. Минина (ред.) *Развитие государства благосостояния в Северной Европе и России: сравнительная перспектива*. СПб.: Скифия-принт, 2004: 179–195.
- Капустин Б. «Гражданское общество» как исчезающее понятие // В. Малахов, А. Яковлева (ред.) *Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение*. М.: Канон+, 2013: 33–46.
- Карпенко О. Укрощение строптивой: официальная риторика и институты «регуляции миграции» // *Laboratorium*. 2014. (3). В печати.
- Кимлика У. *Современная политическая философия: Введение*. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
- Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // *Неприкосновенный запас*. 2012. 5(85): 249–258.
- Кондаков А. Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления // *Неприкосновенный запас*. 2013а. 4(90): 174–190.
- Кондаков А. «Ты, мигрант, – свободная личность»: трудовые мигранты как субъект права в официальной прессе // А. Ю. Сунгуров (ред.) *Миграция в России и мире: ресурс или проблема?* СПб.: Норма, 2013б: 82–92.
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года*. 13.06.2012 г.
- Малахов В. Национализм и «национальная политика» российской власти: 1991–2006 // *Русский национализм: Социальный и культурный контекст*. М.: Новое литературное обозрение, 2008: 131–156.

Малахов В. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // В. Малахов, А. Яковлева (ред.) *Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение*. М.: Канон+, 2013: 6–32.

Миграция. Комплексные меры по реализации концепции государственной миграционной политики российской федерации на период до 2025 года в Санкт-Петербурге на 2012–2015 годы. Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, 2012 // <http://rspb.ru/media/acts/2014/02/17/migrac.pdf> (дата обращения: 20.08.2013).

Митинг 10 декабря. Владивосток с вами! Россия с вами! 2011. // <http://youtu.be/A88VwbNDuE8> (дата обращения: 20.05.2013).

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // *Неприкосновенный запас*. 2011. 2(76): 65–80.

Соколов А. Протест в субъектах Российской Федерации: форма и тематика активности // *Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология*. 2012. 3(19): 143–151.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 29.07.2002. № 30. Ст. 3032.

Fergana.news. Волонтер Александра Крыленкова: «Самое страшное, что с мигрантами ни в судах, ни в полиции не разговаривают». 27.08.2013. // <http://www.fergananews.com/articles/7839> (дата обращения: 12.11.2013).

Яницкий О. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // *Общественные науки и современность*. 2012. (3): 58–68.

Bauman Z. *Postmodern Ethics*. Oxford: Blackwell, 1993.

Bosniak L. Citizenship Denationalized // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. 7(2): 447–509.

Bourdieu P. *The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Brown W. Suffering the Paradoxes of Rights // W. Brown, J. Halley (eds.) *Left Legalism/Left Critique*. Durham: Duke University Press, 2002: 420–434.

Butler J. *Parting Ways: Jewishness and the Critique of Zionism (New Directions in Critical Theory)*. New York: Columbia University Press, 2012.

Cooper D. The Citizen's Charter and Radical Democracy: Empowerment and Exclusion within Citizenship Discourse // *Social & Legal Studies*. 1993. 2(2): 149–171.

Dunn E. The Chaos of Humanitarian Aid: Adhocracy in the Republic of Georgia // *Humanity*. 2012. 3(1): 1–23.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. 2nd Vintage Books Edition. New York: Vintage Books, 1995.

Foucault M. *Dits et écrits* IV, Paris: Gallimard, 1994.

Foucault M. On the Genealogy of Ethics // H. L. Dreyfus, P. Rabinow (eds.) *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, 1983: 229–252.

Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Single Mothers – Clients or Citizens? Social Work with Poor Families in Russia // H. Carlbäck, Y. Gradszkova, Z. Kravchenko (eds.) *And They Lived Happily Ever After. Norms and Everyday Practices of Parenthood in Russia and Eastern Europe*. Budapest: CEU Press, 2012: 207–230.

Isin E. Theorizing Acts of Citizenship // E. Isin, G. Nielsen (eds.) *Acts of Citizenship*. London: Zed Books, 2008: 15–43.

Sassen S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship // E. Isin, B. Turner (eds.) *Handbook of Citizenship Studies*. New York: Sage, 2003: 277–291.

Turner B. Outline of a Theory of Citizenship // *Sociology*. 1990. 24(2): 189–217.

Turner B. The Erosion of Citizenship // *British Journal of Sociology*. 2001. 52(2): 189–209.

THE ACTS OF CIVIL SUBJECTS: MIGRATION AND ACTS OF CITIZENSHIP

Alexander Kondakov

This article proposes a theoretical framework that allows a rethink on citizens' activities, seeing them as a productive form of creative acts producing political subjects and new forms of politics and breaking out of the previous, rigid constraints of institutional logic and social structures. After a period that witnessed active political mobilization of citizens around the 2011–2012 parliamentary and presidential election campaigns in Russia, many commentators argued for demobilization; the people expressed their resentment on the streets only to be intimidated by the police and vow never go out again. I argue, however, that this activism did not decline but rather acquired new forms of participation. Street protests and political rallies transformed into the activities of self-organized groups, which started to reshape and replace welfare institutions in providing support to those who have the demand. The groups have had various levels of engagement and sustainability (issues that are beyond the scope of this paper), however, they do reflect an important transformation of political life in Russia. This transformation of becoming a citizen or, put another way, becoming a subject of active involvement in the life of political community instead of waiting for activity from the state bureaucracy to solve their pressing needs, problems and demands. I examine this situation with reference to the theory of citizenship, which provides a framework for analysing activist citizens' ethics and actions. These activist citizens, invigorated by the momentum of the protest movement, targeted various aspects of state policies. This article discusses the possibility of achieving a theoretical understanding of one of these initiatives appearing as a result of political mobilization and was expressed in several projects related to improvement of life conditions of working migrants. The initiatives are well described by the theory of an "act of citizenship" proposed by Engin Isin and are based, in part, on Mikhail Bakhtin's ideas.

Key words: acts of citizenship, protest in Russia, migration policy, activism, citizenship

References

- Bakhtin M. (1986) K filosofii postupka [On the Philosophy of Act]. *Filosofia i sotsiologiya nauki i tekhniki: Ezhegodnik* [The Philosophy and Sociology of Science and Technology: A Year Book], 1984–1985: 80–160.
- Bauman Z. (1993) *Postmodern Ethics*, Oxford: Blackwell.
- Bosniak L. (1999) Citizenship Denationalized. *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 7(2): 447–509.
- Bourdieu P. (1990) *The Logic of Practice*, Stanford: Stanford University Press.

Alexander Kondakov – researcher, Centre for Independent Social Research; assistant professor, European University at St. Petersburg; aspirant, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: kondakov@cisr.ru

- Brown W. (2002) Suffering the Paradoxes of Rights. W. Brown, J. Halley (eds.) *Left Legalism/Left Critique*, Durham: Duke University Press: 420–434.
- Butler J. (2012) *Parting Ways: Jewishness and the Critique of Zionism (New Directions in Critical Theory)*. New York: Columbia University Press.
- Cooper D. (1993) The Citizen's Charter and Radical Democracy: Empowerment and Exclusion within Citizenship Discourse. *Social & Legal Studies*, 2(2): 149–171.
- Dunn E. (2012) The Chaos of Humanitarian Aid: Adhocracy in the Republic of Georgia. *Humanity*, 3(1): 1–23.
- Federalnyi zakon ot 25.07.2002 No. 115-FZ O pravovom polozhenii inostrabykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii [Federal Law from 25.07.2002 No. 115-FZ About the legal status of foreign citizens in the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [A Collection of the Legal Statutes of Russia], 29.07.2002, (30), St. 3032.
- Fergana.news (2013) *Volonter Aleksandra Krylenkova: "Samoe strashnoe, chto s migrantami ni v sudakh, ni v politzii ne razgovarivayut"* [Volunteer Alexandra Krylenkova: "The Worst Thing is That Nobody Speaks to Migrants, Neither in Courts, Nor in the Police"]. Available at: <http://www.fergananews.com/articles/7839> (accessed 12 November 2013).
- Foucault M. (1983) On the Genealogy of Ethics. H. L. Dreyfus, P. Rabinow (eds.) *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics, 2nd ed.*, Chicago: University of Chicago Press: 229–252.
- Foucault M. (1994) *Dits et écrits IV*, Paris: Gallimard.
- Foucault M. (1995) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison. 2nd Vintage Books Edition*, New York: Vintage Books.
- Gavrilyuk V., Malenkov V. (2007) Grazhdanstvennost, patriotizm i vospitanie molodezhi [Citizenship, Patriotism and Education of Youth]. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological Research], 4(276): 44–50.
- Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (2012) Single Mothers – Clients or Citizens? Social Work with Poor Families in Russia. H. Carlbäck, Y. Gradskaia, Z. Kravchenko (eds.) *And They Lived Happily Ever After. Norms and Everyday Practices of Parenthood in Russia and Eastern Europe*. Budapest: CEU Press: 207–230.
- Inis E. (2008) Theorizing Acts of Citizenship. E. Inis, G. Nielsen (eds.) *Acts of Citizenship*. London: Zed Books: 15–43.
- Kapustin B. (2013) "Grazhdanskoe obshchestvo" kak ischezayushchee ponatie ["Civil Society" as a Disappearing Concept]. V. Malakhov, A. Yakovleva (eds.) *Grazhdanstvo i immigratsiya: kontseptualnoe, istoricheskoe i institutsionalnoe izmerenie* [Citizenship and Immigration: Conceptual, Historical and Institutional Dimensions]. Moscow: Kanon+: 33–46.
- Karpenko O. (2014) Ukroshchenie stroptivoy: ofitsialnaya ritorika i instituty "regulirovaniya migratsii" [The Taming of the Shrew: Official Rhetoric and the Institutes of "Regulation of Migration"]. *Laboratorium*, 3: forthcoming.
- Kondakov A. (2012) Chelovek i grazhdanin: seksualnost' kak sposob konstruirovaniya grazhdanstvennosti v Rossii [A human and a Citizen: Sexuality as a Means of Constructing Citizenship in Russia]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable Store], 5(85): 249–258.
- Kondakov A. (2013a) Novye konfiguratsii politiki posle kvir-filosofii Dzhudit Batler [New Configurations of Politics after Judith Butler's Queer-Philosophy]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable store], 4(90): 174–190.
- Kondakov A. (2013b) "Ty, migrant, – svobodnaya lichnost'": trudovye migrant kak sub'yekt prava v ofitsialnoy presse ["You, Migrant, are a Free Man": Working Migrants as Subjects of Law in Official Media]. A. Y. Subgurov (ed.) *Migration in Russia and the World: Resource or a Problem?* St. Petersburg: Norma: 82–92.

Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [The Conception of State Migration Policy of the Russian Federation for the Period until 2025], 13.06.2012 r.

Kymlicka W. (2010) *Sovremennaya politicheskaya filosofia: Vvedenie* [Contemporary Political Philosophy: An Introduction]. Moscow: GU-VSHE.

Malakhov V. (2008) Natsionalizm i "natsionalnaya politika" rossiyskoy vlasti: 1991–2006 [Nationalism and "National Policy" of the Russian State: 1991–2006]. *Russkiy natsionalizm: Sotsialny i kulturny kontekst* [Russian Nationalism: Social and Cultural Contexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 131–156.

Malakhov V. (2013) Grazhdanstvo kak kontsept i institut: chto, kak i zachem izuchat [Citizenship as a Concept and Institution: What, How and Why to Study it]. V. Malakhov, A. Yakovleva (eds.) *Grazhdanstvo i immigratsiya: kontseptualnoe, istoricheskoe i institutsionalnoe izmerenie* [Citizenship and Immigration: Conceptual, Historical and Institutional Dimensions]. Moscow: Kanon+: 6–32.

Migratsiya. Kompleksnye mery po realizatsii kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda v Sankt-Peterburge na 2012–2015 gody [Migration. A Set of Measures for the Realization of State Migration Policy of the Russian Federation for the Period until 2025 in St. Petersburg for 2012–2015], 27.11.2012.

Miting 10 dekabrya. Vladivostok s vami! Rossiya s vami! [December 10 Rally. Vladivostok is With You! Russia is With You!] (2011). Available at: <http://youtu.be/A88V-wbnDuE8> (accessed 20 May 2013).

Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2011) Telo i diskriminatsiya: invalidnost, gender i grazhdanstvo v postsovetском кино [Body and Discrimination: Disability, Gender and Citizenship in the Post-Soviet Cinema]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable Store], 2(76): 65–80.

Sassen S. (2003) Towards Post-National and Denationalized Citizenship. E. Isin, B. Turner (eds.) *Handbook of Citizenship Studies*. New York: Sage: 277–291.

Sokolov A. (2012) Protest v subyektakh Rossiyskoy Federatsii: forma i tematika aktivnosti [The Protest in Russia's Regions: Form and Topics of the Activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University review: Philosophy. Sociology. Political Science], 3(19): 143–151.

Turner B. (1990) Outline of a Theory of Citizenship. *Sociology*, 24(2): 189–217.

Turner B. (2001) The Erosion of Citizenship. *British Journal of Sociology*, 52(2): 189–209.

Yanitsky O. (2012) Mitingi povsyudu: rehabilitatsiya grazhdanskogo aktivizma v Rossii [Rallies All Around: Rehabilitation of Civil Activism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 3: 58–68.

Zdravomyslova E. (2004) Gendernoe grazhdanstvo v sovetskoy Rossii – praktiki abortov [Gendered Citizenship in the Soviet Russia – Practices of Abortion]. I. Grigorieva, N. Kildal, S. Kuhnle, V. Minina (eds.) *Razvitie gosudarstva blagosostoyania v Severnoy Evrope i Rossii: sravnitel'naya perspektiva* [The Development of Welfare State in Northern Europe and Russia: a Comparative Perspective]. St. Petersburg: Skifia-print: 179–195.